

Александр Асмолов: «Мой любимый символ — сад расходящихся тропок»

Известный психолог, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ им. Ломоносова, директор Школы антропологии будущего РАНХиГС Александр Асмолов 3 апреля выступил на заседании клуба «Кропоткин» в формате онлайн-конференции.

В эти дни и часы оставаться внешним наблюдателем невозможно. Мы с коллегами из Школы антропологии будущего и МГУ создали группу, которую назвали «Антивирус». Постоянно сканируем ситуацию на разных уровнях, анализируя, в чем специфика реагирования на пандемию и инфодемию как политических лидеров, так и людей в разных странах. Мы открыли психологическую горячую линию с москвичами. Реакции очень разнообразны. Коммуникации в обществе перегреты. Я хотел бы поделиться наблюдениями над событиями и смыслами, чтобы показать, как меняется массовая психология в период кризиса.

Как образ «черного лебедя» оказался в центре нашей картины мира? Даниил Кэниман (*Daniel Kahneman, израильский и американский психолог*) предложил совершенно иные схемы рефлексии мира, чем применялись в психологии до него. Вместе с рядом коллег он вводил в теорию «поведенческой экономики» модели непредсказуемости и иррациональности. А за ним «ходил и все записывал», как некий сборщик податей Левий Матфей за Иешуа в романе Булгакова, мастер популяризации и хорошего упрощения сложных идей Насим Талеб. Он назвал «черным лебедем» такое событие, которое не укладывается в нормативные представления, но воздействуют на происходящее решающим образом. Эти новые понятия и образы помогают нам понять, что происходит сегодня. Но, как говорит Талеб в эти дни, коронавирус вовсе не черный лебедь, а вполне прогнозируемое

событие.

Человечество оказалось в библейской ситуации Ноевого ковчега. Находясь внутри, мы пытаемся прогнозировать будущее. Но будущее – это всегда трансформация настоящего. В ситуации пандемии и инфодемии нужно четко отрефлексировать время, в котором мы живем. Наше время и есть наш корабль. Геологи не случайно назвали его «антропоценом». Мы настолько перемешались в перекрестном взаимодействии с другими видами, что эволюционный баланс все сильнее сдвигается и нарушается. Прогнозировать, где и когда появится очередной «черный лебедь» или, лучше сказать, съеденная нами летучая мышь, становится все труднее. Перед нами стоит задача понять, как можно действовать в ситуации непредсказуемости.

В разных странах сейчас нарабатываются пути выхода из кризисной ситуации. Одни действуют по сценарию «авосизма», который нам в России хорошо понятен. Надеемся, что нас не заденет, думаем: «Авось пронесет». В этом случае в действиях разных политиков и реакциях многих людей мы видим стратегию страуса, которая используется в качестве защитного механизма. Противоположная ей стратегия алармизма тоже применяется во многих случаях. Но и в этом сценарии люди не хотят увидеть в происходящем что-то принципиально новое и непривычное, действуя по старым стереотипам. Третий вариант стратегии связан с термином «виджеланс» (*vigilance* – бдительность), что означает видеть различия и стараться их понять.

Для понимания кризиса нужна адекватная оптика. Неважно, с позиции какой науки мы смотрим. Речь идет о наиболее общих подходах, вырабатываемых современной наукой. Принятие ценностной оптики связано с движением общества от культуры полезности к культуре достоинства. В культуре полезности люди расцениваются по образу вещи. Культура достоинства отстаивает неповторимость индивидуальности. Есть социокультурная оптика, когда социальные изменения понимаются не технологически, а гуманистически, как в обществах, прошедших через эпоху возрождения. В эволюционной оптике мы видим переход от

дарвинской модели адаптивной эволюции, когда по остроумному замечанию Поппера «выживают те, кто выживают», к преадаптивной модели, в которой раскрывается ценность разнообразия. И наконец, имеется антропологическая оптика. В ней мы наблюдаем переход от теорий человеческого капитала, которые понимают человека как вклад, по сути, редуцируя его к товару – к парадигме человеческого потенциала, где человек – это открытые возможности, с которыми связана перспектива появления чего-то нового.

Ключевая парадигма понимания мира – человеческий потенциал. Мы все время молились на «человеческий капитал», сводя человека к набору полезных умений. И до сих пор строим свою работу в одномерных схемах. Мы видим в человеке «пациента», «клиента» или «персонал». Этим определением он для нас исчерпывается. Если в XVIII веке мир понимался как часы, и человек тоже редуцировался к механизму, то сегодня мы находимся в объятиях компьютерной метафоры. Мы смотрим на человека как на ансамбль программ. Это считается современным взглядом. Но все это эффекты социальной ментальной инерции. Каждый из нас несравнимо сложнее любых программ. Неумение работать на этом уровне сложности ведет к полной «деиндивидуализации» принимаемых мер. Только что по «горячей линии» звонила женщина, которая из-за общего запрета на передвижение по городу не может поехать к престарелой матери, чтобы привезти ей лекарство. Вроде бы благая цель – всех спасти. Но чуть более сложный случай – и мы приходим к чему-то противоположному.

Посмотрите на взрыв черного юмора в интернете. Это тоже попытка остаться в привычном мире. Таким образом гасят любую непривычную реакцию, которая по-новому выстраивает взаимодействие с миром, ставшим непредсказуемым. Странное и непривычное кажется нам враждебным. Мы давно привыкли видеть мир через оптику антагонизма. Такие конфликтологи как Маркс, Фрейд и Дарвин считали, что только конфликт движет миром. В 1905 году Кропоткин одним из первых назвал взаимопомощь

фактором эволюции. Из-за того, что мы живем по принципу «Сиди и жди – придумают вожди», мы недооцениваем уникальный ресурс взаимопомощи и самоорганизации, о котором писал Кропоткин. А теперь это начинает прорываться не только в наших схемах анализа ситуации, но и в наших повседневных реакциях на коронавирус. Но такие люди как Вернадский и Тейяр де Шарден утверждали, что синергия и симбиоз, вот – ведущие линии эволюции.

Я выделяю черты систем с наименьшим ресурсом выхода из кризиса. Первая черта – слепота к разнообразию и бегство от него. Вторая – тяга к простым решениям. Георгий Петрович Щедровицкий не случайно говорил, что простое решение сложных вопросов – это фашизм. Третья черта – это выученная беспомощность. Когда люди понимают, что от их действий ничего не зависит, появляется апатия и депрессия. Четвертая черта – преобладание традиций над инновациями. Она проявляется как постоянная попытка жить в прошлом, неготовность к трансформациям, неприязнь к любым изменениям. И пятая черта – ксенофобия. Это и про нас было сказано: человечеству легче расщепить атом, чем преодолеть свои предрассудки.

Кризисы бывают двух видов – появление новых возможностей или скатывание в архаику. Исторически мы движемся в режиме кризис-мобилизация. Я не знаю другой страны, которая была бы так влюблена в свой кризис. В стиле Шелома Алейхема, герой которого говорил: «Мне хорошо, я сирота». Чтобы преодолеть эффект колеи, главное – искать необщие пути развития. Но, вроде бы ставя на развитие, мы продолжаем жить в стране контроля. Господствует жесткая установка на суперэго. Риторика борьбы с пандемией полна таких слов как «задержать», «остановить», «ввести жесткие меры». В чем видят точку опоры? Поголовный карантин! Но это только одна из технологий для борьбы с пандемией. Ряд вирусологов допускает, что с ростом числа переболевших возникнет коллективный иммунитет. Иногда, как это делается в восточных единоборствах, силу противника нужно использовать для того, чтобы его победить. Нужно изучать

разные варианты решений, чтобы не оказываться под гипнозом единственного варианта. Замечательный исследователь Феликс Иванович Перегудов мне не раз говорил: «Какую бы сложную проблему вы ни решали, где-нибудь сидит доцент в рваном пиджаке, который уже имеет решение».

Наше общество буквально разорвано на два психотипа – «инноватор» и «мобилизатор». Первая группа – совсем небольшая. Ее составляют люди, которые всегда пытаются найти новое, умеют жить в ситуации непредсказуемости, предлагают непривычные решения и часто за это получают сполна. Думаю, многие из нас слышали в ответ «А ты что, самый умный?», «Тебе что, больше всех надо?». Но это такой тип личности, который как будто едет на двухколесном велосипеде. Они могут существовать только в движении, стоит им остановиться, и они упадут. А значительно более крупная группа состоит из «трехколесников», на таком велосипеде очень удобно стоять на месте. На самом деле ключевая особенность этого типа – бегство от свободы, буквально – боязнь войти в открытую дверь.

Как общество мы находимся в ценностном диссонансе. Дополнительно усугубляет эту ситуацию амбивалентность, с которой нам преподносят ситуацию медиа с подачи властей. Она вызывает ценностный и когнитивный диссонанс. Нам говорят о смертельных опасностях пандемии, категорически утверждая, что в этом кризисе жить нельзя и от него необходимо самоизолироваться. Но в то же время людям рассказывают: теперь у вас будут «каникулы», сидите дома и расслабляйтесь. Но на самом деле это очень похоже на социальную шизофрению, когда в людях предполагаются две разные личности, утратившие связи между собой.

Мы оказались в мире иной нормальности. В этом мире главное искусство – жить с другими, непохожими людьми. Поэтому парадокс нашего времени, еще недостаточно нами осмысленный – это массовый запрос на уникальность. Переживаемый нами кризис – это сетевой вызов. С помощью вертикальных систем управления из сетевого кризиса выбраться нельзя. Только горизонтальные

коммуникации и сетевая самоорганизация помогут найти выход из критической ситуации. Вспомните принцип Пригожина: в ситуации бифуркации даже слабый сигнал может изменить эволюцию системы. Мы должны использовать силу слабых связей. Вот почему сегодня как никогда идеи Кропоткина о кооперации и взаимопомощи выходят на первый план.

Мой любимый символ – сад расходящихся тропинок. Мы должны допустить разнообразие и научиться двигаться необщими путями. Только живое может плыть против течения. У каждого из нас уникальный набор возможностей. Культура выйдет из кризиса и будет жизнестойка, если она научится толерантности в отношении неопределенности, странности, непохожести. Чем бы человек отличался от животного, если бы в нем было только необходимое – и ничего избыточного? Ни в коем случае нельзя отбрасывать иные варианты развития, в том числе апокалиптические. Ценность этих путей, а не гомеостатических схем, я хотел показать в своем выступлении.

Эволюция эмерджентная, то есть внезапная, с которой мы столкнулись, имеет особые характеристики. Это свойства разнообразия, вариабельности, избыточности и предвосхищения, то есть преадаптивности. Она требует готовности к тому, чего никогда не было, и умения самим конструировать реальность. Как говорил Николай Бернштейн, задача рождает орган. Сегодня из нашей эволюции вынимаются многие резервные возможности. Раньше они были спрятаны в нас. А теперь могут помочь нам найти выход из кризиса. Для человечества этот кризис, при всей сложности и трагичности ситуации – это время наработки новых перспектив.

Вопрос – ответ

Обычно в кризисы предполагалось, что человечеству нужно объединяться против угроз. А сегодня предполагается, что безопасней разойтись. Насколько глубоко логика автоматизации общества может войти в нашу жизнь на посткризисном периоде?

А. Асмолов: Когда мы говорим сегодня о границах, вплоть до

расстояния в два шага между людьми, мы имеем дело с вынужденной атомизацией. Но вместе с тем, еще и еще раз посмотрите все информационные потоки. Каждый из нас всматривается, что происходит в Риме, Мадриде или Нью-Йорке. Мы как никогда заинтересованы сегодня в общепланетарной идентичности. Моя позиция или, если угодно, ценностная вера, состоит в том, что атомизация носит инструментальный характер, это только мера социальной гигиены, рассчитанная на данный момент, помогающая нам выиграть время, чтобы преодолеть коронавирус. Но сама по себе установка на непроницаемость границ, на распад вплоть до социальных атомов не принесет нам успеха. Когда мы делимся своими мыслями и становимся прозрачными в ряде находок, мы вырабатываем совместную модель успеха. И только она может привести нас к победе над кризисом.

Какие ценностные ряды сегодня становятся актуальными и можно ли ожидать широкого обращения к ним?

А.: Вы абсолютно правы. Рано или поздно вопрос о ценностях должен был появиться в повестке дня. И вот он наконец появился. Разные аналитики, в разных культурах, начинают прозревать, что взаимопомощь, кооперация, сотрудничество становятся ключевыми ценностями и основой стратегии поведения в ситуации кризиса. Рефлексия взаимопомощи как фактора эволюции становится направлением выхода из кризиса. Это означает выстраивание горизонтальных связей, которые будут структурировать человеческие сообщества.

В вашем выступлении, при всей объективности, сквозила симпатия к нынешнему кризису. Во всяком случае, слышны были нотки позитивных ожиданий от него. Если попробовать редуцировать вашу позицию к простому ответу «да» или «нет», могли бы вы назвать этот кризис по-своему позитивным для нашего общества и, может быть, для всего человечества?

А.: Не буду играть в прятки. На мой взгляд, последним человеком, который знал, что такое «хорошо» и что такое «плохо», был Владимир Владимирович. Я имею в виду, Маяковский.

В этой ситуации могу сказать, что наступивший кризис, как ни парадоксально и как нам ни тяжело, это продуктивный кризис. Он выведет на первый план преадаптивные свойства нашей эволюции, которые позволят преодолеть его. По ту сторону кризиса мы окажемся в эре уже иначе понимаемой нормальности. В этом смысле этот кризис выступает как катализатор новых возможностей, которые породят новую фазу в истории человечества.